

*Моему отцу, который,
сам того не подозревая,
подсказал мне эту историю.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Если видишь все в сером цвете,
отодвинь слона.

Индийская пословица

ГЛАВА 1

Алексис заметил на багажной ленте свой рюкзак, или, точнее, блестящий бесформенный ком, замотанный в пленку и облепленный скотчем с отметками таможи — доказательство того, что его проверяли много раз. Он показался ему нелепым рядом с плывущими по ленте огромными чемоданами, и Алексис едва от него не отвернулся. По сравнению с тоннами накопившихся за последние восемь лет воспоминаний рюкзак выглядел совсем тощим. Какого черта было везти несколько поношенных шмоток, если он выбросит их сразу по приезде? И вообще, какого черта было возвращаться, если его не ждут? “Абсурд”, прошептал он пару-тройку раз, на автомате шагая к железнодорожной станции. Алексис так устал, что все равно не мог размышлять. Он вернулся домой, не имея ни цели, ни планов. Безрадостное возвращение. Так курица с наступлением темноты семечит в свой курятник.

Молодой человек не обращал внимания на проявления радости вокруг, на поцелуи и объятия и, опустив голову, брел по коридорам аэропорта. Он был доволен, что никого не предупредил о своем при-

лете. Он представил себе выстроившийся в Руасси почетный караул и счел его совершенно неуместным. Суетным и не соответствующим тому, что он пережил. Честно говоря, он недолюбливал торжественные встречи. Ему не нравилось ни возбуждение, ни любопытство, какие возвратившиеся вызывают у некоторых встречающих. К этому он не был готов. В первые месяцы после отъезда, вспоминал он, сестра Валентина — единственная оставшаяся у него родственница — упрекала его за то, что он ничего не сообщает о себе. Она даже завела для него блог, чтобы спровоцировать брата на общение. “Это не займет у тебя много времени, — убеждала она. — Просто иногда выкладывай фото”. Однако она очень быстро поняла, что он не будет ничем делиться, и с тех пор уважала его молчание. Достаточно было изредка давать о себе знать. Позвонить, чтобы она могла рассказать о том, что произошло в его отсутствие: например, что она вышла замуж за человека, о котором он никогда не слышал, или о свадьбах его бывших подружек, которых он успел напрочь забыть, о ее работе бухгалтером в местном стартапе, о смерти дальней родственницы, разорении соседа, рождении племянников, ну и детей его бывших девушек, естественно. Такой вот отчет о бурной жизни, которая могла у него быть, если бы он не уехал. Он же говорил очень мало, что расстраивало Валентину. Как он мог описать свою повседневность и при этом не беспокоить ее? Не шокировать. Это же не только история путешествия, экзотических знакомств, красивых пейзажей. Его гуманитарные командировки по всему миру заводили его туда, куда никто не ездит, в самые отдаленные, самые враждебные, самые опасные места планеты. Сейчас он знал, что насилие, страх, смерть существуют по-

всеместно. Что жизнь, к несчастью, не всюду и не для всех имеет одинаковую цену.

Сегодняшний бородатый тридцатилетний мужчина, вцепившийся в поручень, чтобы не упасть в битком набитом вагоне электрички, не имел ничего общего с молодым, хорошо одетым и полным энтузиазма реаниматологом восьмилетней давности. В нем поселилась новая серьезность, и на мир он смотрел более мрачно. Он уже знал пределы своих возможностей врача и мужчины. Закалился, научился выживать, бороться, проявлять упорство. Лечить, почти не имея средств, облегчать боль. И признавать свою беспомощность. Как после всего этого совершить мягкую посадку? Совсем недавно пассажирка с соседнего кресла едва удержалась от аплодисментов, когда самолет без толчков коснулся бетона взлетной полосы. Женщина облегченно улыбнулась ему, как если бы сочла его напряженный вид свидетельством боязни перелета. Но Алексис продолжал сидеть, сжав зубы, потому что в воображении по-прежнему оставался в бейрутском госпитале, за тысячи километров от родных мест. Пациент, один из многих. Инвалид войны, изувеченный бомбой и срочно эвакуированный в соседнюю страну. Кочевник, которому была доверена рискованная миссия — самоубийственная, можно сказать, миссия, — и он не сумел ее завершить. У него в памяти хранилось столько картин, столько гнева и угрызений совести. И столько грусти, когда он думал обо всех, кого потерял.

Сколько времени ему понадобится, чтобы действительно приземлиться? Что осталось от того Алексиса, каким он был когда-то? Кто он такой сегодня? Человек, разбитый на куски, разбросанные по разным концам света, и с трудом передвигающийся, опираясь

на костыль и раскачиваясь вместе с толпой на вокзале Монпарнас. Под куполом резонировали гулкие звуки, и ему казалось, будто его шатает, словно пьяного.

Он слишком резко поднял голову, чтобы свериться с информационным табло, и едва не упал. Последний поезд до Бреста уходил в девятнадцать часов. Если он на него успеет, ему не придется ночевать в Париже. Алексис подошел к билетному автомату и на некоторое время замер, изучая дисплей. Все его жизненные процессы как будто замедлились. И в теле, и в мыслях. Все вокруг как будто заволгло туманом. Что нужно сделать, чтобы купить билет? Ему пришлось несколько раз прищуриться в попытке разобраться, куда ткнуть пальцем. Он все сделал правильно, и билет, как по волшебству, выскочил из автомата. Теперь все будет так. Если он хочет выжить, пора привыкать листать страницы автоматов — механически, не раздумывая, без эмоций. Находить нужные кнопки и следовать подсказкам. Иначе он пропадет — никаких сомнений.

ГЛАВА 2

Состояние Яна в эту субботу нельзя было назвать нормальным. Причина в том, что ему предстояло покинуть остров и он боялся пропустить паром и опоздать на консультацию. Но, главное, его пугало посещение больницы, перспектива оказаться в роли пациента и услышать приговор.

Он уже несколько лет чувствовал, что тело стареет, но это не слишком его волновало. Если в шесть-десять пять лет тебе все дается с трудом, ты больше устаешь к концу рабочего дня, а щиколотки отекают и ноет спина, это в порядке вещей. На днях он даже уснул, не досмотрев до конца фильм, и проснулся глубокой ночью в полной растерянности, сидя на диване. Во время долгой работы врачом он поставил так много тяжелых диагнозов — онкология, безнадежные случаи, — что мелкие недомогания его едва ли не радовали. Давило затылок, словно голова весила тонну, один шип застрял в колене, другой в плече. “Мое тело скрипит”, охотно повторял он себе. Но прошлым летом все стало еще хуже. Тело уже не просто скрипело, его заклинило. Им завладела новая боль — более сильная, чем раньше, более настойчивая. Из тех, что про-

никают в тебя исподтишка и больше не покидают. Маттье, его сын, провел на Груа несколько дней отпуска и сразу обратил внимание на отцовскую походку. Рванный ритм, асимметрия. Вроде бы мелочи.

— Наверное, потянул мышцу.

— Не слишком врачебное определение, папа... Скажи еще, что у тебя ломит поясницу.

— Чушь, все пройдет.

— Как всегда, сапожник без сапог, — грустно прокомментировал сын и не стал углубляться в тему.

Однако, когда Яна скрутило в скалах Локмарья, где он вместе с трехлетним внуком ловил на креветку рыбу, ему пришлось просить у Маттье обезболивающее, чтобы вернуться на берег, и сын не упустил случая этим воспользоваться.

— Купить тебе инвалидное кресло или ты наконец-то решишься собой заняться?

Дедушка скорчил совершенно детскую гримасу:

— Мое бедро...

— Спасибо за информацию, я догадался.

— С этим ничего не сделаешь.

— Напомни мне, пожалуйста... Ты, кажется, врач?

— Да, действительно, но это не мешает мне быть капризным пациентом!

Маттье вздохнул и взял отца под руку, чтобы довести до машины.

— Тебе известно, что в наши дни артроз сустава лечится оперативным вмешательством?

— Не хочу, чтобы меня резали.

На обоих нужно было надавить, ткнуть носом в проблему, чтобы они ее осознали. Это было свойственно и отцу, и сыну. Когда-то Ян предпочел скрыться на Ре-

юньоне, чтобы не делиться своими заботами с близкими, но теперь многолетнее молчание закончилось и они больше не стеснялись говорить друг с другом обо всем и нажимать на больные точки. Отец с сыном на свой лад заботились друг о друге. Это была очень мужская и неловкая забота. Искренняя и без реверансов. И когда сын посоветовал проконсультроваться у Жерара, одного из приятелей и бывших соучеников Яна, хирурга-ортопеда в Бресте, отец послал его к черту. “Жерар... Почему бы заодно не поднять на ноги весь мой курс?” Но постепенно зароненное зерно проросло, чему, впрочем, способствовала и усиливающаяся боль.

В эту субботу он сократил утренний прием и попросил Джо, своего ассистента, закрыть кабинет.

— Ты заметил, док, что сегодня закончил вовремя? — подколол его Джо, постукивая ногтем по циферблату, где часовая стрелка стояла на двенадцати.

— Ага, это первый случай в моей практике, когда я выдержал график, вывешенный на двери.

— Даже не знаю, что мне делать: аплодировать или беспокоиться за тебя... Наверняка дело серьезное, если ты мчишься в Брест на выходные, да еще и во время прилива.

Врач скривился:

— Скажем так: если я не вернусь в воскресенье вечером, вызывай скорую.

— Что происходит? — забеспокоилась мадам Вайян, которая в этот момент вошла в кабинет, вернувшись с рынка с корзинкой продуктов. — Вы заболели, доктор?

— Нет, всего лишь немного заржавел... Хороших выходных!

Доктор поднял руку, прощаясь, и направился к порту. Проследив за ним взглядом, Джо попытался

вспомнить, когда его шеф начал хромать. Человек, который никогда ни на что не жаловался. Неровная, заваливающаяся походка, негнущаяся нога. Он стал ходить на капитана Крюка¹. И заодно резко постарел.

— А как же мой рецепт? — запричитала мадам Вайян, уперев руки в бока. — Кто мне его обновит?

— Я мог бы постараться, но вряд ли это устроит аптекаршу.

— Ну ты даешь, Джо! — возмутилась пожилая женщина, но не сдержала улыбку.

— Приходите в понедельник... Думаю, так будет лучше.

— Если не умру к тому времени, — ответила она, притворившись недовольной, чтобы он почувствовал себя виноватым.

У пациентов дока, словно у капризных детей, очень быстро появились скверные привычки. Они являлись в кабинет без предупреждения в любое время дня. Записывались на прием ради рецепта на парацетамол или из-за насморка у ребенка. Настаивали на срочной консультации в шесть утра до ухода первого парома или в восемь вечера, после прихода последнего. Звонили посреди ночи из-за приступа тревожности.

С точки зрения свежеиспеченных врачей, Ян был представителем старой школы. Той, для которой медицина всегда на первом месте, воскресенье — единственный выходной, а врач работает в одиночку, а не в медицинском учреждении. У этих докторов часы приема определяются потребностью больных. Они не умеют сказать “нет” и вовремя остановиться. Люсьен, консуль-

¹ Пират из книг и фильмов о Питере Пэне. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

тировавший на острове до Яна, был той же школы. Он дождался приезда Яна, который появился здесь четыре года назад, и только тогда вышел на пенсию. К тому моменту ему перевалило за семьдесят. Док, которого считали уроженцем здешних мест, был встречен как спаситель, и островитяне уверовали в то, что он их никогда не бросит.

Яну повезло, что его друг и сокурсник, хирург-ортопед из больницы “Каваль Бланш”, согласился принять его в субботу днем. Они не виделись десять лет. Несколько новых морщин, немало любовных разочарований, разные профессиональные пути. Но ровно то же удовольствие от встречи и полное впечатление, будто они никогда не расставались.

— Из-за твоих глупостей я пропустил соревнование по гольфу, — проворчал профессор, вместо поцелуя сжав Яну плечи.

— Тем лучше... Здесь плавают на лодках, а не играют в гольф! Я тебе это сто раз повторял.

— Ага, когда член твоего экипажа без предупреждения сваливает на Реюньон, а вернувшись, селится на Груа, хочешь не хочешь приходится поставить крест на регате. Индивидуальный вид спорта гораздо надежнее, если у тебя такие непредсказуемые приятели!

Ян прохромал к стулу и, скривившись, плюхнулся на него.

— Я неустойчивый, Жерар. Так это следует назвать! Я пришел к тебе, потому что стал неустойчивым.

— Долго ты так ходишь?

— С прошлого лета.

— Шесть месяцев! Сколько лет ты еще тянул бы с консультацией, не позвони мне твой сын?